

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОЙ РУСИ IX–X ВВ.

НАТАЛЬЯ В. ХАМАЙКО*

Absztrakt: A szovjet időszak kutatásában a Rusz 9–10. századi régészete igen szorosan összefonódott a Rusz állam eredetéről vallott véleményekkel. A két fő elmélet közül a normann-teória a Rurik dinasztia skandináv eredetét, az „antinormann” pedig a Rusz állam szláv eredetét hangsúlyozta. A II. világháború után az utóbbi került állami szintre, így a régészek a leletekkel kapcsolatban igyekeztek kerülni a skandináv eredet megjelölést, helyette a semleges „druzszina kultúra”, vagy a „nemzetközi divatstílus” megnevezéseket használták. A Rusz állam kialakulását sokan ugyanis immár nem a szláv törzsek formálódásával szoros összefüggésben, hanem azzal párhuzamosan képzelik el, persze azzal kölcsönhatásban. A legfontosabb régészeti lelőhelyek (Kijev, Csernyigov, Iszkoresztyen, Perejaszlav stb.) ásatásai és kutatásuk új lendületet vett. A cikkben részletes bemutatásra kerülnek Vipolzov, Perejaszlav, Ovrucsk, Korosztyen lelőhelyek is. Összefoglalóan elmondhatjuk, hogy a Dnyeper középső folyása mentén megfigyelt 9. század végi – 10. század eleji Rusz emlékek szétfeszíteni látszanak a korábbi Kijev-centrikus történeti fejlődési modellünket. A Dnyeper jobb parti területein masszív megletelepedésre a drevljánok elleni végső, megsemmisítő 945–946. évi háború után kerülhetett sor, mely a Kijevi Rusz kiteljesedéséhez vezetett.

Kulcsszavak: Rusz állam, szláv törzsek, Dnyeper, Kijev, Csernyigov, Iszkoresztyen, Sesztovci, Perejaszlav, Ovrucsk, Korosztyen

В советский период археология Руси IX–X вв. неразрывно связывалась с проблемой возникновения Древнерусского государства, традиционно рассматриваемой через призму борьбы теорий норманнского происхождения династии Рюриковичей и антинорманистской – о славянском происхождении государства. «Норманнская» теория в СССР после Второй мировой войны была осуждена как одна из теорий о «народах господ», поэтому исследователи избегали открыто говорить о скандинавских элементах древнерусской культуры IX–X вв. Это определение обычно заменялось терминами «дружинная культура» и «интернациональная мода», что для Южной Руси действительно аргументировалось сочетанием в погребениях предметов как скандинавского, так и степного стилей.

С распадом СССР скандинавская составляющая древнерусской культуры вновь вышла на передний план в археологических исследованиях. Именно она наиболее ярко проступала в древнерусских материалах Ладоги, Гнездово, Шестовицы. Появились как специальные исследования роли скандинавов в формировании памятников Южной Руси, так и каталоги скандинавских находок (Ф. А. Андрощук, В. Н. Зоценко).

Ещё одним важным фактором стал отказ от марксистской теории стадильности исторического развития обществ, в русле которой возникновение древнерусского государства и культуры явились этапом эволюции восточнославянских племен. Появились новые исследования, в которых древнерусская и славянские археологические культуры рассматривались

* Институт археологии Национальной Академии наук Украины, 04210 Киев, проспект Героев Сталинграда 12. hamajko@mail.ru

как параллельные взаимодействующие между собой явления.

Одновременно с интенсификацией теоретических изысканий запятую убрать продолжалось и полевое археологическое исследования памятников, из которых важно отметить новые исследование крупнейших центров Южной Руси X в. – Киева, Чернигова, Искоростеня, Переяслава и др.

КИЕВ

В 2005 г. были проведены первые шурфовочные работы на Десятинной церкви, которые продолжились масштабными раскопками в 2006–2011 гг. экспедицией ИА НАНУ под руководством Г. Ю. Ивакина в сотрудничестве с экспедицией Государственного Эрмитажа во главе с О. М. Иоаннисяном. Подольской экспедицией ИА НАНУ под руководством М. А. Сагайдака за последние три десятилетия также получены важные данные для топографии древнерусского Подола конца X–XIII вв. Раскопками 2007–2011 гг. по ул. Спасской, 35 был получен непрерывный хорошо стратифицированный хронологический ряд развития двух усадеб от конца X до сер. XIII в., что в сумме с исследованными ранее горизонтами Подола конца IX–X вв., а также закрытыми комплексами 2-й пол. X в. Старокиевского городища из раскопок 2005–2011 гг. позволяет по-новому оценить хронологические возможности наиболее массового вида древнерусских артефактов – гончарной керамики.

Исследования укреплений Старокиевского городища опровергли его сооружение в раннеславянское время V–VIII вв. Первые слабые укрепления Старокиевского городища возникли не ранее рубежа IX–X вв. В этот же период склоны горы обживает несомненно пришлое роменское население. К середине X в. оказалось, что свое существование в качестве крепости городище не оправдывает, укрепления забросили и вал начал разрушаться. Но этот процесс вскоре приостановили, соорудив на том же месте более мощные новые укрепления, что может коррелироваться с летописным сообщением о существовании на Старокиевской горе двора княгини Ольги. Третьему этапу реконструкции укреплений

предшествовал пожар, вероятно, связанный с событиями печенежской осады Киева 968 г., после чего крепость пришлось существенно усилить.

Отсутствие реальных данных о монументальном каменном строительстве в Киеве раннее эпохи Владимира Святославича ставит в равное положение Старокиевское городище и Замковую гору. Обе площадки в X в. не демонстрируют наличие углубленных хозяйственных или ремесленных построек, в противовес периоду XII – 1-й пол. XIII в. В то же время, в X в. для таковых активно используются склоны и террасы Старокиевской и Замковой гор, весьма неудобные для создания усадьбы подольского образца.

В конце IX в. в Киеве происходят заметные изменения – на плато гор появляются древнерусские курганные могильники, а внизу под Замковой горой возникает древнерусский торгово-ремесленный посад – Киевский Подол.

Данные стратиграфии убедительно свидетельствуют о том, что естественный уровень Днепра в IX–X вв. примерно соответствовал современному (91,4–91,5 м), а начало заселения того или иного участка Подола начиналось сразу же, как только его уровень достигал отметки поймы Днепра, т.е. 92 м балтийской высоты. Нарастание слоя происходило не только благодаря отложению культурных остатков, но и за счет делювиальных смылов с Киевских гор и выносов глины из оврагов, консервировавших мощные аллювиальные наносы и предохранявших их от размывания. Начальная площадь древнерусского Подола конца IX–X в. при этом, разумеется, была значительно меньше современной и формировалась, постепенно отодвигаясь от линии киевских гор.

Социальный облик Подола для X в. определяется как преимущественно рядовой с жилищной и хозяйственной застройкой. Иногда фиксируются следы ремесленного производства – ювелирного, железоделательного; отдельные находки в слоях X в. византийских медных монет, стеклянных изделий, амфор, а также весовых гирек, указывают на причастность части жителей Подола к торговле. И все же, далеко не всегда по находкам в границах усадьбы можно установить род занятий их собственников – по всей видимости, большинство жителей Подола принадлежали к го-

родским разнорабочим, привлекавшимся для строительства, разгрузки товаров и ремонта судов, различных сезонных работ и т.п.

ЧЕРНИГОВ

Благодаря работам последних трех десятилетий по общей площади, охваченной раскопками, Чернигов – несомненно один из наиболее исследованных крупных древнерусских городов. Как продемонстрировали раскопки Детинца 2006–2008 гг., фрагменты славянской роменской лепной керамики здесь неизменно ассоциируются в слое и объектах с гончарной древнерусской посудой, что является отличительным хронологическим маркером заключительного позднероменского или роменско-древнерусского этапа (конец IX – 1-я треть XI в.). Культурные отложения данного периода зафиксированы в Чернигове в северо-восточной части Детинца (где обнаружены также остатки жилища и хозяйственной ямы), на территории Окольного града к северу от Детинца, а также на стрелке мыса возле Елецкого монастыря. Насыпь вала перекрывала культурный слой с лепной роменской и гончарной древнерусской посудой 1-й и 2-й пол. X в., а также угольный слой пожара. Из находок горизонта привлекает внимание золотая византийская серьга 2-й пол. X в., свидетельствующая о том, что пожар и сооружение новой линии укреплений могут быть связаны с последствиями события, вызвавшего одновременное выпадение Гущинского клада. К хронологическому горизонту, предшествующему сооружению северного вала Детинца, принадлежат несколько смолокурных ям, свидетельствующих о периферийном характере участка поселения в X в. По всей видимости, на первом этапе к древнерусскому городищу примыкал роменский посад (подобно Любечу, Воиню, Ромнам, Лтаве), включенный во 2-й пол. X в. в рамки новых укреплений Детинца.

Во 2-й пол. X в. ещё одна небольшая линия укреплений возведена под Детинцем на Подоле. Она тянулась по линии С–Ю, скорее всего, упираясь в старое русло р. Стрижень, отсекая таким образом от луга довольно значительную гавань. Только в районе гавани зафиксированы

материалы 2-й пол. X в., тогда как шурфовка Подола западнее на Лесковице дала материалы 2-й пол. XI–XIII вв.

Курганные погребения – пожалуй, наиболее атрактивная и популяризированная часть материальной культуры Чернигова X в. Хронологическая картина развития курганных групп по данным инвентаря погребений следующая. Комплексы сер. X в. (2-я четверть–50-е гг. X в.) включают только группы Болдинская (Гульбище) и Березки (к.9/1952). Вторая пол. X в. представлена также в Елецкой, Центральной и Восточной группах. Курганы христианского времени конца X–XI в. концентрируются в наиболее отдаленных от города Болдинской и Стриженской группах, но также представлены и в Елецкой, разрастающейся на запад вдоль непригодного для хозяйства края Холодного Оврага. Последняя зона затем активно используется в XI–XIII вв. грунтовым некрополем, вследствие чего в более ранние курганные насыпи запускаются впускные погребения.

Привлекает внимание полное отсутствие в Чернигове погребений с роменской посудой. Общий облик культуры больших черниговских курганов при этом весьма эклектичен. Доля скандинавских элементов в материальной культуре Чернигова X в. относительно невысока, особенно по сравнению с расположенным всего в 16 км от города Шестовицким археологическим комплексом. В свете новых исследований Чернигов не может выступать ни северянским племенным центром, как это считалось ранее в историографии, ни скандинавским – город имеет древнерусский облик и связан с административным освоением древнерусской властью Левобережья Днепра в X в.

ШЕСТОВИЦА

Новый этап раскопок проходил в Шестовице с 1998 по 2013 гг., здесь была вскрыта значительная площадь городища и посада, открыто пойменное поселение (Подол), исследованы две террасные курганные группы. По объему и систематичности работ Шестовицкая экспедиция, несомненно, крупнейший археологический проект исследования древнерусских памятников Украины последних десятилетий. Различия в топографии пойменных и террасных курган-

ных групп могильника, а также параллельное существование пойменного поселения и поселения на плато мыса, дает возможность предполагать сезонный характер нижнего пойменного поселения, служившего местом стоянки купцов и ремонта судов, а также принадлежность этому поселению ежегодно заливаемой водой пойменной части курганного могильника (группы I–III), тогда как стационарному поселению на террасе – курганных групп IV и VI, расположенных дальше за ним.

Возникновение Шестовицкого торгового поселения не связано с княжеской политикой заселения Подесенья. Этот комплекс уникален для региона по всем основным параметрам и возникает после заключения торгового договора с Византией 911 г. В военизированных купеческих группах, курсирующих по пути из Варяг в Греки, преобладали выходцы из Скандинавии, о чем говорят не только материалы Шестовицкого пойменного некрополя, но и отдельные скандинавские находки на самом пути следования в Надпорожье и устье Днепра.

Выползов

В 2009 г. начат новый этап исследований древнерусского поселения у с. Выползов. Городище и посад занимают узкий длинный мыс (ок. 600 м), возвышающийся над поймой правого берега р. Десны и р. Крымки, но в настоящее время дистанция до русла Десны составляет ок. 3 км. Городище размерами 70 × 90 м при внутренней площадке всего 30 × 40 м, отделено укреплениями с напольной стороны. К западу от городища площадь мыса занимает открытый посад; вдоль р. Крымки в пойме прослежен также культурный слой подола с выходом к пристани. Курганный могильник, связанный с поселением, предположительно уничтожен застройкой и огородами села.

Укрепления городища содержат выразительные угольные прослойки и обугленные остатки деревянных конструкций. Следы единовременного пожара прослежены и в жилых землянках посада. В двух объектах обнаружены дирхемы Насра II ибн Ахмада 914–943 гг. и подражание саманидскому дирхему X в.

Как и в Шестовице, в слое Выползовского поселения представлены и сложнопрофили-

рованные манжетные венчики 2-й четверти X в., датирующие время возникновения памятника синхронно Шестовице. Горизонт пожара и гибель городища следует связать с цепочкой событий, вызвавших выпадение Звеничевского монетного и Гущинского вещевого клада ок. 960 г.

Территория бассейна Нижней Десны, заключенная в условном треугольнике Любеч – Выползов – Седнев, демонстрирует уже в сер. X в. весь комплекс древнерусской культуры, стремительно распространяющийся в конце X в. на Правобережье и Левобережье Днепра: городища с открытым посадом и подолом, открытые сельские поселения, гончарную посуду, полуземлянки с печкой глинобитной конструкции, курганные могильники с ямными ингумациями.

ПЕРЕЯСЛАВ

Новые исследования древнерусского Переяславля (совр. Переяслав) показывают наличие датированных слоев лишь с конца X в. Город появляется на свободном месте. Укрепления Детинца возводятся на древней поверхности, включающей слабый культурный слой черняховского времени. Время сооружения определяет характерное использование конструкций из сырцовых кирпичей, близкое, обнаруженным в валах Белгорода и Васильева. Сам Детинец Переяславля строится „на вырост” – его площадь (12 га) заметно не соответствует реальному распространению культурного слоя конца X в., занимающего лишь южную оконечность площадки. Киев и Чернигов обзаводятся крепостями сравнимых размеров только в конце X в.

Ещё одной показательной деталью выступает расположение курганных могильников X в., в Киеве и Чернигове, поглощенных городом в процессе роста, тогда как в Переяслав они заблаговременно выносятся на отдаленные окраины. Некрополь состоит из 4-х основных курганных групп. Курганные группы Ярмарковщина и Альтицкая, очевидно, возникают уже на рубеже X–XI вв., положив начало некрополю Переяславля.

Приходится констатировать, что и поселения, и некрополь Переяславля Русского на-

чинают функционировать единовременно в конце X в., не позволяя предполагать заселение территории города ранее летописной даты его основания – 992 г.

Овручский кряж

Предпринятые А. П. Томашевским и С. В. Павленко масштабные разведочные работы на Овручском кряже продемонстрировали, что такая картина является закономерностью для большинства поселений данного региона, освоенного не славянским племенем древлян, как предполагалось ранее, а именно во 2-й пол. X в. путем централизованной древнерусской колонизации, аналогичной наблюдаемой на Днепровском Левобережье в междуречье нижнего течения Десны и Днепра.

Перспективы и возможности археологии здесь неожиданно ярко продемонстрировали раскопки 2001–2006 гг. летописного Искоростеня (совр. Коростень).

Коростень

Коростенский комплекс памятников, вытянутых вдоль р. Уж (приток р. Припять), состоит из трех городищ и 6 курганных могильников, насчитывавших около 300 курганов.

Раскопки 1994, 2001 и 2005 гг. не принесли выразительных находок лепной и раннегончарной посуды культуры Луки-Райковецкой – небольшое количество обнаруженных венчиков вполне укладывается в рамки присутствия таких форм в комплексах 2-й пол. X в. Наибольшим сюрпризом для археологов стал характер „престижного” комплекса материальной культуры Искоростеня. Многочисленные литые серебряные серьги, сканно-зерненные подвески головного убора и ожерелий, пуговицы и др. принадлежат к комплексу украшений X в., распространившемуся на восток под влиянием Моравии. К византийскому влиянию относится лучевая подвеска с изображением птицы, имеющая аналогии также в синхронном северянском комплексе женского убора.

В слое гибели городища найдены также разнообразие бляшки от древнерусских поясов, пояс печенежского стиля, сбруйные бляшки,

украшенные в древневенгерской декоративной стилистике, подковообразные фибулы, а также ряд предметов скандинавского круга: бляшка в виде морды медведя, круглые подвески с декором в стиле „Борре”, крестовидная подвеска. Предметы данного круга не характерны для славянских памятников Правобережье Днепра, являясь визитной карточкой древнерусской культуры. Предметы вооружения несомненно связаны с эпизодом штурма крепости в 946 г. дружиной Ольги и Свенельда.

Обилие в Искоростене древнерусских и скандинавских престижных социальных маркеров может быть связано всего лишь с более ранним эпизодом 945 г. уничтожения древлянами дружины князя Игоря с неминуемым захватом военной добычи.

Картина распространения древнерусских памятников в Среднем Поднепровье конца IX–сер. X в. выглядит несколько необычной в русле традиционных киевоцентрических моделей. Древнерусская колонизация Правобережного Поднепровья конца IX – 1-й пол. X в. привела всего лишь к основанию Вышгорода и Китаевского городища как форпостов Киева, а также Витичева в качестве южного пограничного пункта на Днепре. Основные же усилия Киева по созданию прочного плацдарма государства были направлены в этот период на колонизацию оставленного северянами ещё в нач. IX в. пространства Левобережного Нижнего Подесенья, где возникают Чернигов, Любеч, Сновск и сетка сельских поселений. Одновременно с конца IX в. в бассейнах Средней Десны, Сулы, Псла и Ворсклы появляются цепочки городищ роменской культуры.

Основной человеческий ресурс для заселения Черниговщины составили всё те же северяне и славяне Правобережья Днепра; возможно также появление отдельных групп кривичей и радимичей, антропологически близких северянам и поэтому невычленимых из массива древнерусского населения региона. В важных административных и торговых центрах, удалит – Чернигове, Шестовице, Сновске, заметную роль играли также выходцы из Скандинавии.

Только после окончательного разгрома и покорения древлян в 945–946 гг. начинается

древнерусская колонизация на Правобережье Днепра, направленная в не занятый населением культуры Луки-Райковецкой Овручский

кряж, а в конце X в. приходит очередь ещё одного пустыющего региона на Левобережье-Переяславщины.

ЛИТЕРАТУРА

- ANDROSCSUK 1999: Андрощук, Ф. О.: *Нормани і слов'яни у Подесенні (Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя)*. Київ 1999.
- ANDROSCSUK 2004: Андрощук, Ф.: Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. *Ruthenica* 3 (2004) 7–47.
- ANDROSCSUK–ZOCENKO 2012: Андрощук, Ф. – Зоценко, В.: *Скандинавские древности Южной Руси*. Paris 2012.
- BONDAR–SZITYUJ 2012: Бондар, О. – Ситий, Ю.: Давньоруські укріплення Північного Лівобережжя часів становлення держави. In: *Воєнна історія Середньої Наддніпряниці*. Ред.: Мороз, І. В. et al. Київ 2012, 47–51.
- BUZJAN–ROZDOBUGYKO–TYETYERJA–TOVKAJLO 2001: Бузян, Г. М. – Роздобудько, М. В. – Тетеря, Д. А. – Товкайло, М. Т.: Матеріали X ст. території посаду Переяславля Руського. *Археологічний літопис Лівобережної України* 2 (2001) 57–60.
- BUZJAN–ROZDOBUGYKO–TYETYERJA–TOVKAJLO 2005: Бузян, Г. М. – Роздобудько, М. В. – Тетеря, Д. А. – Товкайло, М. Т.: Археологічні дослідження давньоруського Переяслава протягом останнього десятиріччя. *Наукові записки з української історії* 16 (2005) 143–149.
- НАМАЙКО 2004: Хамайко, Н. В.: Дуалізм поселенської структури Шестовицького комплексу. In: *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.* Ред.: Моця, О. П. Київ 2004, 295–302.
- НАМАЙКО–КОМАР 2012: Khamaiko, N. V. – Komar, O. V.: The stratigraphy of the riverside area of Kiev Podol (excavations at the 35, Spaska str.). In: *Geomorphic Processes and Geoarchaeology: from Landscape Archaeology to Archaeotourism. International conference held in Moscow-Smolensk, Russia, August 20–24, 2012. Extended abstracts*. Eds.: Bronnikova, M. – Panin, A. Moscow–Smolensk 2012, 132–135.
- ІВАКІН 2005: Ивакин, Г. Ю.: Погребения X – первой половины XI в. из раскопок Михайловского Золотоверхого монастыря (1997–1999 гг.). In: *Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга*. Ред.: Макаров, Н. А. – Чернецов, А. В. Москва 2005, 287–303.
- ІВАКІН 2007: Ivakin, H.: Excavations at St. Michael Golden Domes monastery in Kiev. In: *Kiev – Cherson – Constantinople*. Eds.: Aibabin, A. – Ivakin, H. Kiev–Simferopol–Paris 2007, 177–220.
- ІВАКІН 2011: Ивакин, В. Г.: Киевские погребения X века. *Stratum plus* 5 (2011) 243–286.
- ІВАКІН–ІОАННІСЯН 2008: Івакін, Г. Ю. – Іоаннісян, О. М.: Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2007 рр. In: *Дьнеслово. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя*. Ред.: Івакін, Г. Київ 2008, 191–213.
- ІВАКІН–ІОАННІСЯН–ІОЛШІН 2010: Ивакин, Г. Ю. – Иоаннисян, О. М. – Ёлшин, Д. Д.: Архитектурно-археологические исследования Десятинной церкви в Киеве в 2008–2009 годах. *Труды Государственного Эрмитажа* 53 (2010) 377–390.
- ІВАКІН–ІОАННІСЯН–ІОЛШІН 2013: Івакін, Г. Ю. – Іоаннісян, О. М. – Ёлшин, Д. Д.: Архітектурно-археологічні дослідження церкви Богородиці Десятинної в Києві у 2008–2011 рр. In: *Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану Петра Петровича Толочка*. Ред.: Івакін, Г. Ю. Київ 2013, 73–96.
- ІВАКІН–КОЗЬУБА 2003: Івакін, Г. – Козьуба, В.: Нові поховання X–XI ст. Верхнього Києва (з розкопок Архітектурно-археологічної експедиції 1997–1999 рр.) In: *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.* Ред.: Толочко, П. П. Чернігів 2003, 38–50.

- JOANNISZJAN–JOLSIN–ZIKOV–IVAKIN–KOZJUBA–KOMAR–LUKOMSZKIJ 2009: Иоаннисян, О. М. – Ёлшин, Д. Д. – Зыков, П. Л. – Ивакин, Г. Ю. – Козюба, В. К. – Комар, А. В. – Лукомский, Ю. В.: Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.). *Труды Государственного Эрмитажа* 49 (2009) 330–366.
- JOLSIN 2008: Ёлшин, Д. Д.: *Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты*. Дисс. канд. ист. наук. Санкт-Петербург 2008.
- JOLSIN 2010: Ёлшин, Д. Д.: О „монументальной архитектуре“ Киева в X в. In: *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова*. Ред.: Мусин, А. Е. – Хвошинская, Н. В. Санкт-Петербург 2010, 151–164.
- KAZAKOV–CSERNYENKO 2007: Казаков, А. – Черненко, Е.: Черниговський детинець IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов. In: *Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи*. Ред.: Коваленко, О. Б. Чернігів 2007, 119–124.
- KOLIBENKO 1999: Колибенко, О. В.: *Історична топографія Переяславля Руського (X - перша половина XIII ст.)*. Автореф. дис. канд. іст. наук Київ 1999.
- KOLIBENKO 1999a: Колибенко, О. В.: Про походження Переяславля Руського. *Археологія* 1999:1 (1999) 47–59.
- KOLIBENKO 2005: Колибенко, О. В.: Археологічні дослідження в урочищі Оболонь на південно-східній околиці Переяслава. In: *Проблеми археології Середнього Подніпров'я*. Ред.: Гаврилюк, Н. А. et al. Фастів 2005, 301–313.
- KOLIBENKO 2010: Колибенко, О. В.: Історико-археологічне вивчення Переяславля Руського та Переяславщини (середньовічної Переяславської волості): сучасний стан і перспективи. *Археологія і давня історія України* 1 (2010) 130–136.
- KOMAR 2012: Комар, А. В.: Киев и Правобережное Поднепровье. In: *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. Ред.: Макаров, Н. А. Москва–Вологда 2012, 300–333.
- KOMAR 2012a: Комар, А. В.: Чернигов и Нижнее Подесенье. In: *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. Ред.: Макаров, Н. А. Москва–Вологда 2012, 334–365.
- KOMAR 2012b: Комар, А. В.: Поляне и северяне. In: *Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год*. Ред.: Мельникова, Е. А. Москва 2012, 128–191.
- KOMAR 2013: Комар, О. В.: «Дохристиянська» монументальна архітектура Старокиївської гори (проблеми датування та атрибуції). *Opus mixtum* 1 (2013) 106–121.
- KOVALENKO 1999: Коваленко, В. П.: Нові дослідження Шестовицького археологічного комплексу. *Археологічний літопис Лівобережної України* 1 (1999) 33–43.
- KOVALENKO–CSERPENKO 2003: Коваленко, В. – Черненко, О.: Перші дослідження в Шестовиці. In: *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.* Ред.: Толочко, П. П. Чернігів 2003, 84–102.
- KOVALENKO–FOMIN–SEKUN 1992: Коваленко, В. П. – Фомін, О. В. – Шекун, О. В.: Давньоруський Звеничів і скарб арабських дірхемів. *Археологія* 1992:1, 60–72.
- KOVALENKO–MOCSJA–SZITIJ 2003: Коваленко, В. – Моця, А. – Сытый, Ю.: Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. In: *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.* Ред.: Толочко, П. П. Чернігів 2003, 51–83.
- KOVALENKO–MOCSJA–SZITIJ 2012: Коваленко, В. – Моця, А. – Сытый, Ю.: Новейшие находки в погребениях Шестовицы. In: *Скандинавские древности Южной Руси*. Ред.: Цукерман, К. – Андрощук, Ф. – Зоценко, В. Paris 2012, 322–350.
- KOVALENKO–MOCSJA–SZITIJ–SZKOROHOD 2008: Коваленко, В. П. – Моця, О. П. – Ситий, Ю. М. – Скороход, В. М.: Дослідження Шестовицького подолу. In: *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради 2*. Ред.: Ивакин, Г. Ю. et al. Коростень 2008, 178–191.
- KOVALENKO–SZKOROHOD 2009: Коваленко, В. – Скороход, В.: Поліетнічний дружинний табір у Нижньому Подесенні кінця IX – початку X ст. *Вісник Чернігівського державного педагогічного університету* 73 (2009) 66–82.
- KOZJUBA 2008: Козюба, В. К.: „Місто Володимир” у Києві: історична реальність чи

- історіографічний міф? In: *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради* 1. Ред.: Івакін, Г. Ю. et al. Коростень 2008, 237–271.
- KUCSERA 1999: Кучера, М. П.: *Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст.* Київ 1999.
- LESZMAN 2008: Лесман, Ю.: Переяславський курганний могильник «за тюрмою» в раскопках В. М. Щербаковского: некоторые наблюдения над хронологией могильника. *Наукові записки з української історії* 20 (2008) 124–147.
- МОСІА–КАЗАКОВ 2011: Моця, О. – Казаков, А.: *Давньоруський Чернігів.* Київ 2011.
- МОСІА–SZKOROHOD–SZITŪ 2012: Моця, О. П. – Скороход, В. М. – Ситий, Ю. М.: Оборонні споруди Виповзівського городища. In: *Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2011 г.: Научный ежегодник.* Отв. ред.: Толочко, П. П. Чернигов 2012, 60–65.
- MOVCSAN–BOROVSKIJ–GONCSAR 2003: Мовчан, І. – Боровський, Я. – Гончар, В.: Нові знахідки з дружинного некрополя Верхнього Києва. In: *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.* Ред.: Толочко П. П. Чернігів 2003, 114–120.
- PETRAUSZKASZ–POLGUJ–HADADOVA 2014: Петраскас, А. В. – Польгуй, В. І. – Хададова, М. В.: Історична топографія Літописного Іскоростеня. In: *Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи.* Ред.: Толочко, П. П. Київ 2014, 294–301.
- САНАУДАК 2005: Sahaydak, M.: Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podil District. *Ruthenica* 4 (2005) 138–160.
- SZARAJDAK–HAMAJKO–KOMAR–VERGUN 2012: Сагайдак, М. А. – Хамайко, Н. В. – Комар, О. В. – Вергун, О. І.: Дослідження давньоруських садиб на Спаській, 35 у м. Києві. In: *Археологічні дослідження в Україні 2011 р.* Ред.: Толочко, П. П. Київ 2012, 265–268.
- SZITŪ 2006: Ситий, Ю.: До питання про місцезнаходження курганів та курганних груп в ур. Коровель в с. Шестовиця. In: *Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст.* Ред.: Коваленко, О. Б. Чернігів 2006, 173–187.
- SZITŪ 2007: Ситий, Ю.: До питання про взаємозв'язок водопостачання і росту території давньоруського Чернігова. In: *Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів.* Ред.: Коваленко, О. Б. Чернігів 2007, 199–210.
- SZKOROHOD 2007: Скороход, В.: Топографія Чернігова та Шестовиці X – початку XI ст. (порівняльна характеристика). In: *Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів.* Ред.: Коваленко, О. Б. Чернігів 2007, 125–132.
- VEREMEJCSIK–SEKUN 2008: Веремейчик, Е. М. – Шекун, А. В.: К вопросу о Черниговском Остроге. In: *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради* 1. Ред.: Івакін, Г. Ю. et al. Київ 2008, 55–64.
- ZOCENKO 2003: Зоценко, В.: Скандинавские древности и топография Киева «дружинного» периода. *Ruthenica* 2 (2003) 27–52.
- ZOCENKO 2008: Зоценко, В. М.: Скандинавські старожитності Київського Подолу «дружинної доби». In: *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради* 1. Ред.: Івакін, Г. Ю. et al. Київ 2008, 118–142.
- ZOCENKO 2009: Зоценко, В.: Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор. In: *Борисо-Глебский сборник* 1. Ред.: Цукерман, К. Paris 2009, 15–56.
- ZOCENKO 2010: Зоценко, В. Н.: Киевский некрополь-II: место в исторической топографии города, типология погребального инвентаря, хронология. In: *Славяно-руское ювелирное дело и его истоки.* Ред.: Пескова, А. А. et al. Санкт-Петербург 2010, 455–476.
- ZOCENKO–ZVIZGYESKIJ 2006: Зоценко, В. – Звіздецький, Б.: Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня. In: *Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст.* Ред.: Толочко, П. П. Чернігів 2006, 73–89.
- ZVIZGYESKIJ 2003: Звіздецький, Б. А.: Давньоруські кургани на північній околиці м. Коростеня. In: *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.* Ред.: Толочко, П. П. Чернігів 2003, 32–37.

ZVIZGYECKIJ 2008: Звіздецький, Б. А.: *Городища IX–XIII ст. на території літописних дrevлян*. Київ 2008.

ZVIZGYECKIJ–POLGUJ–PETRAUSZKASZ 2004: Звіздецький, Б. А. – Польгуй, І. І. – Петраускас, А. В.: Нові дослідження стародавнього Іскоростеня. In: *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.* Ред.: Моця, О. П. Київ 2004, 51–86.

ZVIZGYECKIJ–POLGUJ–PETRAUSZKASZ–SZIRKO–OSZADCSIJ 2008: Звіздецький, Б. А. – Польгуй, В. І. – Петраускас, А. В. – Сірко, О. В. – Осадчий Є. М.: Дослідження Іскоростеня 2005–2008 рр. In: *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради*. Ред.: Ивакин, Г. Ю. et al. Коростень 2008, 113–118.

A DÉLI RUSZ 9–10. SZÁZADI RÉGÉSZETI KUTATÁSÁNAK ÚJABB EREDMÉNYEI

A szovjet időszak kutatásában a Rusz 9–10. századi régészete igen szorosan összefonódott a Rusz állam eredetéről vallott nézetekkel. A két fő elmélet közül a normann teória a Rurik-dinasztia skandináv eredetét, az „antinormann” pedig a Rusz állam szláv eredetét hangsúlyozta. A második világháború után az utóbbi került állami szintre, így a régészek a leletekkel kapcsolatban igyekeztek kerülni a skandináv eredetmegjelölést, helyette a semleges „druzsina kultúra” vagy a „nemzetközi divatstílus” megnevezéseket használták. Ez egyébként a Déli Rusz területén egyértelműen helytálló volt, hiszen mind skandináv, mind sztyeppe elemek egyaránt megfigyelhetők a temetkezésekben.

A Szovjetunió szétesését követően a Rusz kutatásában ismét előtérbe került a régészet. Itt a Sztaraja Ladoga, Gnyozdovo, Sesztovcy lelőhelyekről származó anyagról van szó elsősorban, de egyidejűleg megjelent a kifejezetten a Déli Rusz anyagában feltűnő skandináv eredetű tárgyak kérdése is, melyet önálló katalógusokban mutattak be (F. A. Androscsuk, V. N. Zocenko).

A szovjet időszak kutatásától eltérően még egy alapvető eltérés tapasztalható újabban a kutatásban. A Rusz állam kialakulását sokan ugyanis immár nem a szláv törzsek formálódásával szoros összefüggésben, hanem azzal párhuzamosan képzelik el, persze azzal kölcsönhatásban. A legfontosabb régészeti lelőhelyek (Kijev, Csernyigov, Iszkoreszteny, Perejaszlav stb.) ásatása és kutatása új lendületet vett.

Kijev régészeti kutatása esetében 2005-től a híres Tizedes-templomnál aktívan újraindult feltárásokat említhetjük. 2007-től kezdődően a város Podol nevű részén két teljes, a 10–13. századból származó udvarház feltárást sikerült elvégezni, amelyek számos zárt leletegyüttesükkel jó kronológiai támpontot eredményeztek. A Sztarokijevszkoje gorogyisce 2007–2011 eredményei pedig alapvetően új színben tüntetik fel a korongolt kijevi kerámia eredetéről meglévő eddigi ismereteinket. A lelőhely korai szláv (5–8. század) erődítésének időrendje ma már nem tartható, leghamarabb a 9–10. század fordulóján épült. A 10. század közepén itt jelentős új erődépítészet figyelhető meg, mely feltehetően kapcsolatba hozható az írott forrásokból ismert Olga fejedelemszony helyi központjával. A 968-as besenyő ostrom égési rétege jól megfigyelhető, mely után a település hanyatlásnak indult. Kijev 10. századi kőépítkezésével kapcsolatban ma nem állnak rendelkezésünkre meggyőző információk.

A 9. század legvégén jellegzetes rusz druzsina temetkezések tűnnek fel Kijev területén a kiemelkedéseken, míg a Zamkovej hegy lábánál kereskedelmi negyed, a Podol alakul ki és indul virágzásnak. A Dnyeper folyó vízállása ebből a szempontból kiemelkedő fontosságú volt – valószínűleg megfelelt a mai 91,5 m tengerszint feletti magasságnak.

Az elmúlt három évtized intenzív ásatásainak köszönhetően napjainkra Csernyigov a legjobban kutatót lelőhely a Rusz területén. A kerámialeletek alapján a szláv romni kultúrát a 9. század végétől a 11. század első harmadáig tartó ún. romni-Rusz periódus követi, melyben a kézzel formált romni szláv edények mellett a korongolt rusz kerámia is előfordul. Az eredendően romni kultúrást telep a 10. század második felében kőfalakkal kezdték megerősíteni.

A csernyigovi lelőhely legismertebb, legnépszerűbb része a kurgántemető, melyet a 10. század közepétől keltezhetünk. Később egyszerű aknasíros temető is létesült, és a 11–13. században a korábbi kurgánok betöltésébe is gyakran temetkeztek másodlagosan. A csernyigovi temetkezésekkel kapcsolatban a romni kultúrához köthető kerámialeletek teljes hiánya említhető, mely alapján Csernyigov szeverjan

törzsi központként való értelmezési lehetősége esik. Ugyanakkor a várostól 16 km-re lévő Sesztovci skandináv kurgántemető a skandináv központ elméletét is cáfolja. Csernyigov tehát Rusz adminisztratív központ lehetett a 10. század Dnyeper balparti hatalmi rendszerében.

A Sesztovci temető kutatása 1998–2013 között új periódusához érkezett, melynek keretében két, eltérő magasságú folyóterazon elhelyezkedő kurgántemetőt sikerült elkülöníteni. Az itt folyó régészeti feltárások a legnagyobb léptékűek az elmúlt évtizedek Rusz régészeti kutatásában Ukrajna területén. Az alsó terasz kurgánjait (I–III. csoport) a folyó áradása elönthette, ezért ebben a periódusban inkább csak időszakosan lakott kereskedelmi telepről beszélhetünk, míg a IV–VI. kurgáncsoport már jóval magasabban fekszik. Ez a lelőhely unikális jellegű, nem illeszkedik a térség egykori adminisztratív-közigazgatási rendszerébe. Sesztovci egy fegyveres kereskedő csoport által ellenőrzött kereskedelmi telep lehetett a Skandináviát Bizánccal összekötő kereskedelmi úton. 911-ben kereskedelmi szerződést is kötöttek Bizánccal. A fentieket mind a bizánci, mind a közvetlen skandináv eredetű tárgyak feltűnése alátámasztja.

A cikk részletesen bemutatja Vipolzov, Perejaszlav, Ovrucsk, Korosztjen lelőhelyeket is. Összefoglalóan elmondhatjuk, hogy a Dnyeper középső folyása mentén megfigyelt 9. század végi – 10. század eleji Rusz emlékek szétfeszíteni látszanak a korábbi Kijev-centrikus történelmi fejlődési modellünket. A Dnyeper jobb parti területein masszív megtelepedésre a drevljánok elleni végső, megsemmisítő 945–946. évi háború után kerülhetett sor, mely a Kijevi Rusz kiteljesedéséhez vezetett.